

Конец мира / Индийская легенда

Category: Ertekiler, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Конец мира / Индийская легенда КОНЕЦ МИРА

Еще на западе пурпуром и золотом горел край одежды уходящего Магадэвы, – а с востока мрачный Африд простирал над миром черное покрывало, чтоб укрыть им разврат и преступления земли.

– Я проклиная тебя! – воскликнул Магадэва и, словно мечом, сверкнул по небу последним кровавым лучом.

– Я ненавижу тебя! – крикнул Африд, кидаясь вслед за уходящим, и закрыл все небо своим черным покровом.

От их голосов в испуге похолодел воздух, птицы забились в листву, зелень потеряла свои краски, цветы вздрогнули и испуганно закрыли свои чашечки. Наступила ночь.

Африд впился в землю тысячами тысяч сверкающих глаз. Глаза тигра, глядящего на добычу.

Всю ночь не мог заснуть индус Авга.

Он думал:

«Умереть завтра самому голодной смертью или убить сегодня богатого соседа?»

Он то брался за копье, то снова клал его на скамейку.

И казалось Авге, что он не один ночью в хижине.

Что тут есть еще двое.

И говорят с ним.

Один голос говорил:

– Не убивай!

Другой повторял:

– Убей... убей... убей...

– Боги создали так, что он богат, а ты нищий! – говорил один голос. – Не спорь с волей богов!

– Ты будешь сам могуществен, как боги: убей! – говорил другой голос. – Боги создали так, а ты переменишь волю богов. Ты совершишь чудо, достойное богов! Боги создали, чтоб он был

богат, а ты умер. Он умрет, а ты будешь богачом. Ты будешь могуществен, как боги.

И слушая голоса, перекликавшиеся в темноте в его хижине, Авга то нащупывал копье и сжимал его рукоятку, – то снова выпускал его из рук.

– Все мудро, что существует. Все, что существует, предопределено.

Не нарушай мудрости предопределенного! – говорил один голос.

И другой прерывал его:

– Все, что предопределено, то и совершится. Ничто не изменится в мире. Предопределено, чтоб был труп, – и будет труп. Предопределено, чтоб был счастливый и богач, – будет счастливый и богач. Но зачем же трупом должен быть ты?

– Убийство. Смерть.

– Переселение души, – и только. Он будет тобою, трупом, – ты станешь им: счастливцем и богатым.

– Не убивай!

– Убей... убей... убей...

А между тем уж близился рассвет.

Задрожали и побледнели звезды. Где-то в кустах чирикнула птица.

– Проходит ночь, – в ужасе воскликнул Авга, – что ж мне делать?

На что решиться? Теперь дорого каждое мгновение!

И хижина его наполнилась вдруг светом, и перед ним появились два человека.

Один был одет в золотистые легкие одежды, другой кутался в черную мантию. И оба жадно смотрели на Авгу.

– Кто вы? – с испугом спросил Авга.

– Мы боги! – отвечали они.

– Я Магадэва, бог света. Лучезарного света.

– Я Африд, бог тьмы. Бездонной тьмы.

Авга упал на колени:

– Что привело вас ко мне?

И Магадэва ответил ему:

– Наша борьба!

И Африд мрачно подтвердил:

– Наша борьба.

– Века мы боремся из-за тебя, из-за человека, – и это наполняет наше существование. – Мы живем этой борьбой.

– Кому ты будешь принадлежать, – мы спорим. Я Магадэва, добрый бог.

– Я Африд, бог зла.

– Ты должен быть моим.

– Ты будешь моим.

– Проклятье тебе, исчадь тьмы! Он будет моим!

– Ненависть моя тебе, мираж далекого неба! Золотистый туман! Луч солнца, который поглотит тьма! Он будет моим.

Авга стоял на коленях и слушал спор богов о нем. Он поклонился им до земли и сказал:

– Великие и могущественные боги! Мне очень лестно слышать, что вы так спорите и боретесь из-за меня. Могуча ваша борьба. Но я-то! Я-то!

Я похож на зерно, которое попало между двух жерновов. Один жернов белый, другой черный. Но бедному зерну-то плохо. Жернова борются и трутся друг о друга, – а бедное зерно, попавшее между ними, превращается в порошок. Великие, могущественные боги, вы боретесь из-за меня, – мне очень лестно. Но меня-то, ведь, вы стираете в порошок. Если бы вы могли оставить меня в покое?!

И Магадэва, и Африд, поникнув головами, вышли из хижины.

Рассветало.

По лесу пошел шелест распускающихся цветов, развертывающейся травы. Рос и рос звон птиц.

Магадэва и Африд, утомленные борьбой, сели отдохнуть по разным сторонам дороги. С ненавистью глядя друг на друга. Добро и зло, прикованные друг к другу борьбой. На дороге лежал навоз. И на навоз прилетели два воробья, и стали из-за него драться.

Перья летели от них.

От боли они жалобно чирикали.

А все-таки клевали друг друга в голову.

И текли у них капли крови.

Глядя на них, улыбнулся мрачный Африд.

Глядя на драку, улыбнулся улыбкой сожаленья Магадэва.

И боги с улыбкой встретились глазами.

Африд указал Магадэве на воробьев:

– Не похожи ли мы на них?

И Магадэва рассмеялся.

– Из-за чего мы боремся? Мы видели сейчас человека!

И Магадэва сказал:

– Если б было что-нибудь выше нас, – это существо смеялось бы над нашей борьбой из-за человека, как мы смеемся теперь над этой дракой воробьев!

Африд протянул ему руку:

– Кончим же этот вечный спор между добром и злом. Из-за кого?

Из-за чего? Отдохнем в покое небытия!

И Магадэва ответил:

– Я согласен. Пусть спор будет кончен, брат мой!

И дорога расширилась между ними. Между ними была уж не дорога, а вся земля. Они потеряли вид людей и стояли друг перед другом великие, необъятные.

И боги кинулись в объятия друг друга и крепко сжали друг друга в объятиях.

И мир попал между ними, и они раздавили мир.

Он умер с воплем.

Заревели воды, завопили горы, камни, превращаясь в пыль.

И только Магадэва в этом реве, в этом стоне сердцем услышал жалобный стон человека.

Все было кончено.

Не было больше ни добра, ни зла, ни мира, ни человека.

И не было богов.

Не стало человека, – и не стало ни добра, ни зла.

И не стало и богов добра и зла.

Влас ДОРОШЕВИЧ. Ertekiler